

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.6>

UDC 811.161.1'04:81'367
LBC 81.411.2-03

Submitted: 30.08.2023
Accepted: 08.07.2024

OLD RUSSIAN SUBORDINATE CLAUSE WITH A PARTICIPLE AS THE ONLY PREDICATIVE: A DIACHRONIC ASPECT

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article investigates complex sentences, in the subordinate part of which the nominal active participle is the only predicative. Its relevance is expressed in the great importance of these constructions, in understanding the originality of Old Russian syntax in general and the features of the evolution of the syntactic functions of nominal active participles on the way of their transformation into gerunds in particular, and in the inconsistency of linguistic interpretation of their structure, functions, and genesis by various researchers. The study aims at providing comprehensive description of syntactic constructions with a nominal active participle as the only predicative and determination of the dynamics of their use throughout the history of the Russian language, starting with the written tradition up to the 18th century. To achieve the goal, descriptive, comparative-historical, and comparative-typological methods were applied to the analysis of literary texts of the 11th – 17th centuries, which enabled the identification of various conjunctions and connective words, used to provide joining a subordinate clause to the main part of the sentences under study. The types of participial clauses were identified; the reasons for their distribution in the Old Russian language were established, their originality was proved; the genesis, genre and stylistic marking, the reasons for the loss were determined, amid the elimination of simple preterit forms, the development of hypotaxis and the structure of a simple sentence.

Key words: nominative independent clause, participial predicative, finite form, hypotaxis, main predicative, participle, Old Russian language.

Citation. Kunavin B.V. Old Russian Subordinate Clause with a Participle as the Only Predicative: A Diachronic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 80-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.6>

УДК 811.161.1'04:81'367
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 30.08.2023
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИЧАСТИЕМ В РОЛИ ЕДИНСТВЕННОГО ПРЕДИКАТА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье исследуются древнерусские сложноподчиненные предложения, в придаточной части которых именное действительное причастие выступает в функции единственного предиката. Структура, функции и генезис таких предложений противоречиво трактуются в лингвистике. Актуальность работы обусловлена большой значимостью конструкций с причастием-предикатом для понимания своеобразия древнерусского синтаксиса в целом и особенностей эволюции синтаксических функций именных действительных причастий на пути их трансформации в деепричастия в частности. Цель исследования – комплексное описание синтаксических построений с именным действительным причастием как единственным предикатом и определение динамики их употребления на протяжении истории русского языка с начала письменной традиции вплоть до XVIII века. На материале литературных текстов XI–XVII вв. с применением описательного, сравнительно-исторического, сравнительно-типологического методов выявлено многообразие союзов и союзных слов, которые использованы для соединения главной части с придаточной в исследуемых предложениях.

двумя предложениями; охарактеризованы типы причастных клаузы; установлены причины их распространения в древнерусском языке; доказана их оригинальность; определены генезис, жанрово-стилистическая маркированность и причины утраты на фоне устранения простых претеритов, развития гипотаксиса и строя простого предложения.

Ключевые слова: именительный самостоятельный оборот, причастный предикат, финитная форма, гипотаксис, главный предикат, причастие, древнерусский язык.

Цитирование. Кунавин Б. В. Древнерусское придаточное предложение с причастием в роли единственного предиката: диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 80–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.6>

Введение

Сложноподчиненные предложения, в составе зависимой части которых в роли единственного сказуемого выступает именное действительное причастие, являются характерной особенностью древнеславянского синтаксиса. Составляя его далекую периферию, они, тем не менее, находили употребление в различных славянских языках – старославянском, древнерусском, древнепольском, древнечешском и др. Одним из первых на них обратил внимание А.Х. Востоков [Востоков, 1863, с. 109]. Основы их изучения заложил А.А. Потебня, утверждавший, что придаточная часть с причастием в вершине соединена с главной не непосредственно, а при помощи союзов или относительных слов [Потебня, 1958, с. 230]. Точка зрения А.А. Потебни была поддержана многими исследователями (см., например: [Белоруссов, 1901, с. 57; Истрина, 1919, с. 89; Пигин, 1955, с. 190; и др.]).

Данные конструкции представляли собой разновидность именительных самостоятельных оборотов (далее – ИС) [Кунавин, 2022] и характеризовались основным для ИС конститутивным признаком – общим субъектом главной и придаточной части [Потебня, 1958, с. 220; Miklošič, 1883, S. 823, 834–836]. Возможно, подобные обороты речи существовали уже в балто-славянский период, о чем свидетельствуют данные литовского языка, в котором причастное сказуемое в придаточной части сложноподчиненного предложения служит трансляции чужой речи. Однако в отличие от древнерусского языка в литовском языке они характеризуются наличием разных субъектов в глагольной и причастной частях. [Потебня, 1958, с. 224]. При этом так же, как и в случае с ИС, части которого соединены сочинительным союзом, в анализируемой кон-

струкции с причастным предикатом в придаточном предложении, присоединенном к главному посредством подчинительного союза или относительного слова при едином логическом субъекте в главной и придаточной частях подлежащие могут быть выражены разными словами, обозначая один и тот же субъект.

Семантическая связь между подлежащими ИС и глагольной части маркирует зависимость ИС от последней, поэтому возникает вопрос: с какой целью в придаточной части древнерусские книжники использовали причастное сказуемое, если указанная зависимость выражается относительными словами и подчинительными союзами?

А.Н. Стеценко справедливо утверждает, что причастный предикат в придаточной части представляет собой своеобразный индикатор ее зависимости от главной, однако ничего не говорит о роли относительных слов и подчинительных союзов [Стеценко, 1978, с. 4–5]. Большинство исследователей признают высокую степень предикативности причастного сказуемого в исследуемой конструкции [Потебня, 1958, с. 221; Будде, 1917, с. 63; Истрина, 1919, с. 87; Barnet, 1965, s. 163; Růžička, 1963, S. 198, 231; и др.].

Однако некоторые языковеды, находясь под впечатлением современного им языкового восприятия, не признают такие клаузы с причастием в вершине в качестве самостоятельных. Так, А. Вайан вслед за А.Х. Востоковым считал, что в подобных клаузах причастие употреблено вместо финитной формы в изъявительном наклонении. Между тем уже А.А. Потебня скептически относился к подобному суждению, возражая А.Х. Востокову: «...справедливо разве в обратном смысле, что позже здесь ставилось изъявительное» [Потебня, 1958, с. 210]. Е.А. Карский и Ф. Травничек утверждали, что в данных кла-

узах при причастии опущен вспомогательный глагол. Однако А.А. Потебня обоснованно протестовал против таких допущений [Потебня, 1958, с. 221]. Наличие указанных суждений свидетельствует о недостаточной разработке проблемы в трудах классиков славистики, не исследуется она и в современных работах. Так, в трудах, посвященных истории причастий, указанные конструкции не анализируются [Абдулхакова, 2007; Сахарова, 2007; Эгипти, 2002]. Определенные сведения по данной проблеме содержатся лишь в нашей докторской диссертации [Кунавин, 1993].

Актуальность статьи заключается в существенной значимости указанных оборотов в истории русского синтаксиса, в раскрытии его своеобразия, в определении общего направления истории развития именных действительных причастий на пути их преобразования в деепричастия, в противоречивом толковании их структуры в языковедческой литературе.

Цель работы – комплексное описание синтаксических построений с именным действительным причастием как единственным предикатом и определение динамики их употребления на протяжении истории русского языка, начиная с письменной традиции вплоть до XVIII в., стилистической принадлежности, особенностей генезиса и причин утраты на фоне устранения простых претеритов, а также развития гипотаксиса и строя простого предложения.

Материал и методы

В работе в качестве основных применялись описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический методы. Материалом исследования послужила личная картотека автора, составленная методом сплошной выборки из памятников литературы Древней Руси XI–XVII вв. сложноподчиненных предложений, в зависимой части которых в роли единственного сказуемого выступает именное действительное причастие.

Исследованные обороты в синтаксической системе причастий занимали на всех этапах истории русского языка употреблялись необычайно редко, так как уже к началу письменной традиции были вытеснены конструкциями с финитными формами глаголов.

В общей сложности картотека включает 207 примеров, что составляет около 1 % от общего количества конструкций с именными действительными причастиями в именительном падеже. Наибольшая употребительность была им свойственна в XI–XII вв., что свидетельствует о их архаичности. В картотеке имеется 33 контекста из памятников письменности XI–XII вв. и 43 – из текстов XII века. При этом важно подчеркнуть, что в текстах указанного периода исследуемые конструкции характеризовались также значительным структурным многообразием. В текстах XIII в. употребительность указанных оборотов снижается – 22 примера; XIV в. – 22; XV – 19; в текстах XVI в., массив которых в 3 раза выше, чем в памятниках XII в., – 58 случаев. В текстах XVII в. было выявлено 45 примеров употребления исследуемых конструкций. С учетом того, что объем указанных текстов в 4 раза выше, чем объем текстов XII в., можно сделать вывод, что анализируемые обороты в XVII в. использовались в 4 раза реже, чем в XII в., и в 2 раза реже, нежели в XVI веке. Следовательно, в XVII в. зачастую уже с несогласованными формами причастий (деепричастиями) исследуемые синтаксические построения почти полностью утратились.

Результаты жанрово-стилистического анализа конструкций с придаточной частью с причастием в вершине показали, что наибольшее употребление она находила в летописных погодных записях (Галицко-Волынская, Лаврентьевская и др.), повестях (летописные повести о походе князя Игоря и другие фрагменты Повести временных лет, Казанская история, Повесть о Савве Грудцыне и др.), менее употребительна эта конструкция в памятниках с народными особенностями языка (Поучение Владимира Мономаха, Послания Ивана Грозного, сочинения Аввакума и др.). То, что анализируемая конструкция находила употребление в древнерусских памятниках, отражающих живую разговорную речь, подтверждается данными русских диалектов. Единично они встречаются в житиях (Житие Феодосия Печерского, Житие Сергия Радонежского и др.), в посланиях, словах, поучениях, хождениях и др., в переводных текстах (Девгениево деяние, Из «Римских деяний», Из «Измарагда»,

Повесть о Варлааме и Иосаафе и др.). Все-го было проанализировано свыше 100 произведений.

Результаты и обсуждение

Именные действительные причастия настоящего времени, находящиеся в вершине зависимой клаузы сложноподчиненного предложения, выражают действие, одновременное с действием финитной формы в роли сказуемого главной части. Формы прошедшего времени в той же роли в препозиции относительно глагольной части обозначают действие, предшествующее действию предиката в спрягаемой форме, в постпозитивном положении анализируемые причастные предикаты обозначают результат действия главного предиката. Таким образом, наблюдается полная аналогия с одноподлежащими оборотами с причастием в роли второстепенного сказуемого [Кунавин, 1993].

Среди анализируемых причастных клауз было выявлено восемь типов.

В конструкциях первого типа в главной части в роли сказуемого выступает глагол *быти*, при котором отсутствует подлежащее, а в придаточной – причастный предикат в форме настоящего времени как совершенного, так и несовершенного вида. Правомерность квалификации таких оборотов в качестве сложноподчиненных предложений впервые обосновал А.А. Потебня [1958, с. 203–209]. Затем эта точка зрения была поддержана многими отечественными и зарубежными языковедами [Gebauer, 1929, s. 598; Růžička, 1963, S. 231; и др.].

В исследованных текстах встретилось восемь таких конструкций: 7 – в памятниках XI–XIII вв. и одна – в тексте XVI века. Три оборота с причастиями совершенного вида, причем глагольный предикат в двух случаях выражен формой аориста и однажды – формой настоящего времени:

(1) ...А о наших **не бысть кто** и **вѣсть принеса** (ПЛДР, вып. 2, с. 368);

(2) ...И **нѣсть кто помилуя** их (ПЛДР, вып. 7, с. 66).

Впрочем, с учетом особенностей развития категории вида в древнерусском языке о совершенном виде подобных причастий мож-

но говорить лишь со значительной долей условности (см. об этом: [Budich, 1969]).

В пяти конструкциях причастия употреблены в форме несовершенного вида:

(3) ...**Нѣсть, кѣто** воды **нося** (ПЛДР, вып. 1, с. 342);

(4) По смерти же великаго князя Болеслава **не бысть кто княжа** в Лядьской земли (ПЛДР, вып. 3, с. 374).

В свое время В. Ягич, исходя из современного ему языкового восприятия, не учитывал в данном обороте специфику относительного слова и определял причастие в качестве предикатива при глагольной связке [Jagič, 1899, S. 68]. И.И. Срезневский считал, что причастие здесь подверглось субстантивации и выступает в роли подлежащего [Срезневский, 1959, с. 59]. Однако подобные трактовки причастия были убедительно отвергнуты [Потебня, 1958, с. 209; Růžička, 1963, S. 31]. Причем А.А. Потебня приводит такие конструкции не только из древнерусского языка, но и древнечешского, и древнепольского [Потебня, 1958, с. 203].

В конструкциях второго типа зависимая часть с причастным предикатом соединяется с главной при помощи относительного слова в форме именительного падежа. Предикат главной части может быть выражен как глаголом (обычно в форме инфинитива или, реже, императива), так и именем. Если он обозначен глаголом *быти*, то при нем (в отличие от структур первого типа) непременно наличествует подлежащее. Такие конструкции в древнерусском языке употреблялись от начала письменной традиции до XVII века.

В исследованных материалах встретилось 23 примера с указанными оборотами: 12 с формами причастий прошедшего времени и 11 – настоящего. Наиболее часто причастная клауза присоединяется к глагольной посредством относительного слова *иже*, являющегося подлежащим при причастном сказуемом [Александров, 1958, с. 153; Růžička, 1963, S. 230]. Генетически оно является результатом объединения указательного местоимения *и, я, е* с союзом *же* и функционально совпадает с относительными словами *который, что, кто* [Потебня, 1958, с. 210; Карский, 1913, с. 71]. При этом проблема проис-

хождения лексемы *иже* (*яже, еже*) до настоящего времени не решена. Некоторые языковеды возводят ее к греческому языку [Буслаев, 1844, с. 316; Алимпиева, Ваулина, 1980, с. 57], Ф. Александров считает ее индоевропейской, унаследованной из праславянского языка отдельными славянскими языками [Александров, 1958, с. 153].

Причастная часть указанного типа обычно располагается после главной:

(5) И се **видѣша** вси **мниси**, **иже** къ заутрени **идуше** (ПЛДР, вып. 2, с. 444);

(6) Где **есть** **Василий** царь, **иже** **имея** желание видетесь со мною? (ПЛДР, вып. 3, с. 62).

В придаточной части изредка могли располагаться два причастия:

(7) Се **есть** добротазумный **другъ** и благий, **иже** горкое наше добротазитие в память **износя** и с лихвою намъ вся **отдаваа** (ПЛДР, вып. 2, с. 203).

В подобных случаях трудно установить предикативный центр: то ли причастные предикаты являются однородными, то ли один из них зависит от другого.

Необычайно редко придаточная часть с причастием в вершине могла находиться в препозиции относительно главной части или располагаться в ее интерпозиции:

(8) **Иже** бо не **видѣвъ** тоа радости въ ть день, **то не иметь** въѣры сказающим (ПЛДР, вып. 2, с. 112);

(9) **Те** же паки, **иже** **чтяще** боги, на три роды **разделяются** (ПЛДР, вып. 2, с. 214).

Чрезвычайно редко употребляются в данной конструкции другие относительные слова: *который, каков, какой, елицы, чьто, кьто*. Это объясняется их принадлежностью деловой речи, для книжных текстов они не характерны [Сумкина, 1954, с. 172]. В проанализированном литературном материале в указанном типе оборотов с подобными словами встретился всего один пример:

(10) То же **слышавше** новгородстии **людие**, **бояре** их, и **посадници**, и **тысяцкие**, и житии **люди**, **котори не хотяще** первого своего обычая и крѣстнаго цѣлования **преступити**, ради быша вси сему (ПЛДР, вып. 4, с. 380).

Особенностью приведенной конструкции в (10) является зависимость придаточной ча-

сти с причастным предикатом от именительного самостоятельного оборота, причем субъект придаточной части *котори* складывается из суммы субъектов именительного самостоятельного, а субъект главного предложения, к которому относится именительный самостоятельный, также представляет собой сумму субъектов именительного самостоятельного. Случаи употребления подобных конструкций в древнерусском языке приводит А.А. Потебня [1958, с. 220].

Характерной приметой конструкций третьего типа представляется соединение придаточной клаузы с причастием в вершине с главной посредством относительного местоимения в прямом падеже и относительного местоимения в косвенном:

(11) ...А **они** и сами **бежаша** друг друга бяуще, **кои с кого мога** (ПЛДР, вып. 5, с. 390).

Употребление таких оборотов в литературном языке редко, это объясняется их тяготением к разговорной речи, на что уже указывал В. Ягич, приводя соответствующие примеры русских пословиц: *Кто кого смога, тот того в рога* [Ягич, 1899, S. 69]. Такие конструкции употреблялись и в украинских грамотах [Коломиец, Мельничук, 1957, с. 203; Безпалько и др., 1962, с. 395].

В конструкциях четвертого типа придаточная часть с причастием в вершине соединяется с главной при помощи относительного местоимения в косвенном падеже. В. Ягич и Р. Вечерка, исходя из современного им языкового восприятия, считали причастие в придаточной части компонентом составного сказуемого с опущенной связкой [Ягич, 1899, S. 68; Večerka, 1959, S. 41]. Между тем уже А.А. Потебня, а позже Р. Ружичка аргументированно отвергли подобное допущение [Потебня, 1958, с. 211; Růžička, 1963, S. 198].

Эти обороты речи в исследованных текстах были употреблены 11 раз. В пяти конструкциях связь между главной и придаточной частью осуществляется посредством относительного местоимения *иже*. Причастное сказуемое могло быть как в форме настоящего, так и прошедшего времени, причем преобладают конструкции с причастием настоящего времени:

(12) ...И все **еже** **имея**, на церковную потребу истроши (ПЛДР, вып. 2, с. 508);

(13) ...Начать повѣдати женѣ своей великая чюдеса Христова, **яже видѣвъ** (ПЛДР, вып. 3, с. 228).

Иногда данное местоимение употребляется в несогласованной форме, что указывает на его постепенную утрату (см. об этом.: [Александров, 1958, с. 154]):

(14) Обаче же уже на първое съповѣдание възвратимся, **яже** (вместо **еже**) о блаженѣмъ Феодосии **исповѣдающе** (ПЛДР, вып. 1, с. 366).

Иные относительные местоимения для данной связи используются единично:

(15) Володимеръ же из Берестья посла к нимъ жито в лодьяхъ по Бугу с людьми с добрыми, **кому вѣря** (ПЛДР, вып. 3, с. 374);

(16) ...Яко велику честь приялъ от царя, **при которомъ приходивъ** цари (ПЛДР, вып. 2, с. 20);

(17) ...А завѣтра приношаху по ней, **что владуче** (ПЛДР, вып. 2, с. 30).

В конструкциях пятого подтипа придаточная причастная клауза соединяется с главной посредством относительного наречия и относительного местоимения:

(18) ...И начаша избивати татаръ, **где которого застропивъ** (ПЛДР, вып. 4, с. 64), (ед. ч. вм. множ.);

(19) ...А друзии разбѣгошася, **камо кто видя** (ПЛДР, вып. 4, с. 64).

Характерной чертой конструкций шестого типа является осуществление связи придаточной причастной части с главной глагольной посредством относительного наречия:

(20) ...Не вѣдяху бо, **камо бѣжаще** (ПЛДР, вып. 3, с. 238);

(21) ...И прозвашася имены своими **гдѣ сѣдше** на которомъ мѣстѣ (ПЛДР, вып. 2, с. 24).

В конструкциях седьмого типа придаточная причастная клауза соединяется с глагольной главной частью при помощи подчинительного союза. Такие конструкции среди анализируемых оборотов многочисленны (75 случаев). Наиболее активен в указанной функции полисемантический союз *яко*, выражающий следующие значения между частями исследуемой конструкции:

временное:

(22) **Яко пришедше** сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава (ПЛДР, вып. 2, с. 24);

изъяснительное:

(23) Сий же кленяшеся, **яко** николи же **читавъ** книгъ (ПЛДР, вып. 2, с. 520);

сравнительное:

(24) **Яко** же николи же **боле**в поиде ко образу (ПЛДР, вып. 10, с. 53);

причинное:

(25) ...И надълзѣ плакастася, **якоже** много врѣмья **не видѣвъшася** (ПЛДР, вып. 1, с. 342);

атрибутивное:

(26) Азь же молебные глаголы со слезами глаголахъ ей, **яко** же и вы **слышавше** (ПЛДР, вып. 10, с. 53);

причинно-целевое:

(27) Се бо на ны богъ попусти поганья, **не яко милуя** ихъ, но нас кажа (ПЛДР, вып. 2, с. 232).

Вторым по степени употребительности в данной функции является однозначный союз *егда* (17 употреблений), например:

(28) ...Ту паки на осля всѣл Христос, **егда** Лазаря **въсресивъ** (ПЛДР, вып. 2, с. 44).

В приводимой ниже конструкции один и тот же субъект в придаточном и главном предложениях манифестирован тождественными подлежащими:

(29) А **егда постився Христосъ** надъ Ерданомъ (своима очима видѣлъ есмь постницу его), сто фупник **Христос** посадил (ПЛДР, вып. 4, с. 46).

Такой повтор подлежащих обусловлен разделением главной и придаточной частей вставным (вводным) предложением. Гипотаксис в древнерусском языке только формировался под влиянием старославянского языка, а в последнем не без воздействия греческого. Однако подчинительные в современном понимании средства связи (относительные слова и подчинительные союзы), обозначая разнообразные смысловые отношения между главным

и придаточным предложениями, еще не были достаточными для выражения грамматической зависимости придаточной части от главной. Нередко с точки зрения современного языкового восприятия являющиеся гипотактическими синтаксические конструкции были слабо дифференцированы от соответствующих паратактических, о чем свидетельствует использование для связи главной части с придаточной наряду с подчинительным союзом сочинительного, а иногда и такого архаичного способа, как повторение одинаковых подлежащих для выражения одного и того же субъекта, подобно примеру (29). На недостаточное развитие гипотаксиса в древнерусском языке указывают и многочисленные обороты, в которых главное (глагольное) и второстепенное (причастное) сказуемые соединяются посредством сочинительного союза. Наиболее часто анализируемые конструкции с союзом *егда* встречаются в памятниках XVI–XVII веков.

В отличие от книжного союза *егда*, высоко употребительного в анализируемой функции, временной союз *когда* в исследуемых конструкциях встретился всего дважды:

(30) Притча къ мужемъ, иже от бѣдъ **когда** спасшеся благодателемъ же сицевая воздают злобою благодать (ПЛДР, вып. 11, с. 54);

(31) Адамъ **когда** пръвозданный женѣ **покорився**, из раа изгнан бысть (ПЛДР, вып. 2, с. 544).

Относительно высокую динамику в исследованных материалах показал в данной функции книжный союз *аще*, транслирующий условную семантику:

(32) Сыну, **аще** въ знаемых людехъ **сѣдѣ**, худобы своя не являй (ПЛДР, вып. 2, с. 254).

Придаточные причастные предложения с книжным союзом *акы* обычно имеют сравнительное значение:

(33) И тако идяшеть назадъ с великою гордостью, **акы** всю землю **вземъ** (ПЛДР, вып. 3, с. 380).

Значительно реже указанный союз выражал семантику причины:

(34) ...По верху гроба его дѣсками деревянными вышши лакти покрыша, **акы** **вѣровавшие** добръѣи жизни его (ПЛДР, вып. 5, с. 372).

Союз *како* в исследуемой функции выражает изъяснительное значение:

(35) Слыши, сыне мой, про царя Давида, **како** блуда ради **хотя** смерть **приятн** (ПЛДР, вып. 4, с. 494).

Лишь однажды данный союз в исследуемых конструкциях встретился с семантикой времени:

(36) А **как** **пришедши** князи Рязполовские начаша говорити... (ПЛДР, вып. 4, с. 514).

Несколько реже союза *како* с изъяснительной семантикой в анализируемых оборотах речи встречается союз *что*:

(37) И нерцы, **что** злотворя (ПЛДР, вып. 3, с. 460).

Союзы *занеже* и *понеже* в исследуемых конструкциях выражают семантику причины:

(38) **Понеже** сами **имуше** совесть непостоятельную и крестопреступную и малаго ради блистания злата прременну, се убо и нам **совѣтуе**те (ПЛДР, вып. 8, с. 58).

Конструкции с союзом *елико* выражают семантику степени:

(39) Сыну, его же богъ обогатить, то не звиди ему, но боле, **елико** **мога**, почѣсти и (ПЛДР, вып. 2, с. 256).

Придаточные предложения с союзом *рекше*, синонимичным современному *то есть*, имеют пояснительное значение:

(40) Отець бо сего Володимеръ землю взора и умягчи, **рекше** крещеньемъ **просвѣтивъ** (ПЛДР, вып. 2, с. 166).

Конструкции восьмого типа характеризуются тем, что в них придаточная часть с причастием в вершине связывается с глагольной частью без участия подчинительного союза, однако семантика придаточной части отчетливо указывает на ее зависимое положение от главной:

(41) Половци же видѣвши **одолевше** (= увидев, что одолели) пустиша (ПЛДР, вып. 2, с. 230);

(42) ...Другый же страха ради пред архиерѣи с клятвою отвержеся, **не зная** тебе человекѣка (ПЛДР, вып. 2, с. 312).

Следует заметить, что такое бессоюзное соединение придаточной части предложения с главной впервые в русистике отметил Ф.И. Буслаев, указав на его архаичность [Буслаев, 1844, с. 316–317]. Многие исследователи также обоснованно видели в таких конструкциях остаток глубокой древности, когда еще отсутствовали соответствующие средства подчинительной связи [Корш, 1877, с. 16; Белоруссов, 1901, с. 36; Сумкина, 1954, с. 142]. Согласно наблюдениям А.И. Сумкиной, количество подобных оборотов без союзных слов и союзов в древнерусских письменных памятниках незначительно, чаще они имеют место в диалектах [Сумкина, 1954, с. 142]. Примечательно, что такое своеобразие диалектного синтаксиса отмечал еще В. Мансикка [1912, с. 279]. В древнерусских литературных материалах встретилось всего пять указанных конструкций.

Важно подчеркнуть, что субъект главной и придаточной частей обычно был один и тот же. Только в 18 конструкциях из 207 субъекты причастной и глагольной частей являются разными: в памятниках XI–XII вв. было обнаружено всего 4 конструкции, XIII в. – 1, XIV в. – 1, XV в. – 2, XVI в. – 1, XVII в. – 8:

(43) И сему чюду дивуемъся, **како** от персти **создавъ** (господь) челоуѣка (ПлДР, вып. 1, с. 398).

При этом следует учитывать, что чем ближе к нашему времени, тем объем текстов больше.

Таким образом, исследованные синтаксические конструкции на всех этапах истории русского языка сохраняли односубъектность причастной придаточной части и главной глагольной. На фоне трансформирования именных действительных причастий в деепричастия и устранения исследованных оборотов из синтаксической системы древнерусского языка незначительное усиление динамики употребления разносубъектных оборотов в памятниках XVII в. следует рассматривать не как эволюцию типа, а как утрату им своего дифференциального признака.

Заключение

Придаточное предложение с именным действительным причастием в вершине в древнерусском языке соединялось с главной

глагольной частью удивительным многообразием союзных слов и союзов, а само предложение характеризовалось значительным конструктивным богатством. Данный факт убедительно свидетельствует о том, что исследованные конструкции не являются случайностью или эпизодическим отклонением от хорошо известных традиционных синтаксических построений, а знаменуют собой оригинальное явление древнерусского синтаксиса. Однако к началу письменной традиции такие обороты речи были уже глубоко архаичными, что подтверждается не только чрезвычайной редкостью их употребления, но и вплоть до XVII в. почти полным отсутствием в придаточной части несогласуемого причастного предиката.

Генезис проанализированных синтаксических структур был обусловлен потребностью однозначного выражения подчинительных отношений между второстепенным и главным сказуемыми. Их развитие восходит к соответствующим односубъектным бессоюзным структурам, отличающимся неоднозначностью выражаемых отношений. Данное утверждение обосновывается последовательной односубъектностью второстепенного и главного предикатов в составе изученной конструкции. Именно односубъектность была особенностью бессоюзных оборотов с именным действительным причастием в функции второстепенного сказуемого. По причине неразвитого гипотаксиса в древнерусском языке они в определенной мере восполняли недостаток в истинных предложениях, в грамматическом смысле занимая промежуточное место между широко распространенными бессоюзными причастными оборотами и глагольными придаточными предложениями, соединенными с главными при помощи союза или относительного слова. Именно развитие средств выражения подчинительной связи между главным и придаточным предложениями стало основной причиной устранения исследованных конструкций из древнерусского языка. Во все периоды его истории они были принадлежностью книжных жанров и стилей, о чем свидетельствует и сугубо литературный характер союзных слов и союзов, используемых для их связи с главной глагольной частью. Однако ограниченное использование для данной связи подчинительных средств с народными чертами,

редкое использование оборотов с деепричастиями на месте древнерусских причастий в русских и украинских диалектах (*nídtisue, čo popavši, robiť, як здумавши*) позволяют предположить, что такие конструкции не были чужды и народной речи.

В литовском языке подобные конструкции сохранились, видимо потому, что приобрели особый модальный оттенок, получив специфическое значение, отличное от семантики финитной формы.

При дальнейшем изучении данных оборотов в древнерусском языке важно их сопоставление с соответствующими глагольными с целью выявления сходств и различий в их семантике, прагматике. Существенно проведение сравнительного исследования указанных конструкций с такими же оборотами в других древнеславянских языках, что поможет более глубокому осознанию их сущности и функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулхакова Л. Р., 2007. Категория деепричастия в русском языке. Казань : Казан. гос. ун-т. 186 с.
- Александров Ф., 1958. О значениях и функциях местоимений «который», «иже» и «кый» в основных памятниках древнеболгарского языка // Славистичен сборник. По случай IV международен конгрес на славистите в Москва. Т. 1. Езикознание. София : Издание на Българската Академия на науката. С. 146–163.
- Алимпиева Р. В., Ваулина С. С., 1980. К вопросу о функционировании относительных конструкций в древних славянских языках // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. С. 53–58.
- Безпалько О. П., Бойчук М. К. и др., 1962. Исторична граматика української мови. Київ : Видавництво Радянська школа. 510 с.
- Белоруссов И., 1901. Синтаксис русского языка в исследованиях Потемни. Орел : Тип. Хализева. 258, XIV с.
- Будде Е. Ф., 1917. Вопросы методологии русского языкознания : пособие для преподавателей рус. яз. в сред. шк. и для самообразования. Казань : Кн. маг. М. А. Голубева 169 с.
- Буслаев Ф. И., 1844. О преподавании отечественного языка. Ч. 1. М. : Унив. тип. 336 с.
- Востоков А. Х., 1863. Грамматика церковнославянского языка. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. 135 с.
- Истрина Е. С., 1919. Синтаксические явления I Новгородской летописи // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Кн. 2. С. 1–172.
- Карский Е. Ф., 1913. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским. Варшава : Тип. Варшав. учеб. окр. 104 с.
- Коломиец В. Т., Мельничук А. С., 1957. Fr. Trávníček. Historická mluvnice česka. III. Praha, SPN, 1956 // Вопросы языкознания. № 5. С. 145–151.
- Корш Е. Ф., 1877. Способы относительного подчинения : Глава из сравнительного синтаксиса. М. : Унив. тип. (Катков). 110 с.
- Кунавин Б. В., 1993. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 702 с.
- Кунавин Б. В., 2022. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>
- Мансикка В., 1912. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии // Русский филологический вестник. № 4. С. 271–279.
- Пигин М. И., 1955. Причастное сказуемое в древнерусском языке, выраженное нечленным действительным причастием // Ученые записки Карело-Финского университета. Т. 5, вып. 1. С. 175–201.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 536 с.
- Сахарова А. В., 2007. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: Критерии распределения предикаций на причастные и финитные в Комиссионном списке Новгородской первой летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Срезневский И. И., 1959. Мысли об истории русского языка. М. : Учпедгиз. 135 с.
- Стеценко А. Н., 1978. История именных действительных причастий и образование деепричастий в русском языке // Проблемы стилистики и лексики русского языка. М. : [б. и.] С. 3–11.
- Сумкина А. И., 1954. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды института языкознания АН СССР. Т. 5. С. 139–202.
- Эгипти И. А., 2002. Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук. М. 192 с.
- Barnet V., 1965. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Praha. Universita Karlova. 191 s.
- Budich W., 1969. Aspekt und verbale Zeitlichkeit in der 1. Novgoroden Chronic. Graz : [s. n.]. 288 S.

- Gebauer I., 1929. *Historická mluvnice jazyka češkeho*. Dil. 4. Praha : [s. n.]. 763 s.
- Jagič V., 1899. Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46. Wien. 88 S.
- Miklošič F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošič. Band 4. Syntax. Wien : [s. n.]. 895 S.
- Růžička R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanskich konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1 // Sbornik praci filosof. fak. Brnenske university. Ročník 8. Rady jazykovedne. A. 7. S. 37–49.
- Bezпalko O.P., Boychuk M.K. et al., 1962. *Istorychna gramatyka ukrayinskoyi movy* [Historical Grammar of the Ukrainian Language]. Kyiv, Vydavnyctvo Radyanska shkola. 510 p.
- Belorussov I., 1901. *Sintaksis russkogo yazyka v issledovaniyakh Potebni* [Syntax of the Russian Language in Potebny's Studies]. Orel, Tip. Khalizeva. 258, XIV p.
- Budde E.F., 1917. *Voprosy metodologii russkogo yazykoznanija: posobiye dlya prepodavateley rus. yaz. v sred. shk. i dlya samoobrazovaniya* [Questions of Methodology of Russian Linguistics]. Kazan, Kn. mag. M. A. Golubeva. 169 p.
- Buslaev F.I., 1844. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Ch. 1* [About Teaching the National Language. Pt. 1]. Moscow, Univ. tip. 336 p.
- Vostokov A.Kh., 1863. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka* [Grammar of Church Slavonic]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk. 135 p.
- Istrina E.S., 1919. Sintaksicheskie yavleniya I Novgorodskoy letopisi [Syntactic Phenomena of 1st Novgorod Chronicle]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk. Kn. 2* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences. Book 2], pp. 1-172.
- Karskiy E.F., 1913. *Grammatika drevnego cerkovnoslavyanskogo yazyka sravnitelno s russkim* [Grammar of the Ancient Church Slavonic Language in Comparison with Russian]. Varshava, Tip. Varshav. ucheb. okr. 104 p.
- Kolomiets V.T., Melnichuk A.S., 1957. Fr. Trávníček. *Historická mluvnice česka. III. I. Praha, SPN, 1956. Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 145-151.
- Korsh E.F., 1877. *Sposoby otnositelnogo podchineniya. Glava iz sravnitel'nogo sintaksisa* [Methods of Relative Subordination: Chapter from Comparative Syntax]. Moscow, Univ. tip. (Katkov). 110 p.
- Kunavin B.V., 1993. *Funktsionalnoe razvitie sistemy prichastiy v drevnerusskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Functional Development of the Participle System in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 702 p.
- Kunavin B.V., 2022. Prichastnaya klauza v istorii russkogo yazyka [The Participial Clause in the History of the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 76-87. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

ИСТОЧНИК

ПДР – Памятники литературы Древней Руси : в 12 вып. / сост. и общ. ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М. : Худ. лит. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 4. 1981. 606 с. ; Вып. 5. 1982. 688 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 8. 1986. 640 с. ; Вып. 10. 1988. 704 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Abdulkhakova L.R., 2007. *Kategoriya deeprichastiya v russkom yazyke* [Gerunds Category in Russian]. Kazan, Kazan. gos. un-t. 186 p.
- Aleksandrov F., 1958. O znacheniyakh i funktsiyakh mestoimeniy «kotoryy», «izhe» i «kyu» v osnovnykh pamyatnikakh drevnebolgarskogo yazyka [On the Meanings and Functions of the Pronouns “Which”, “Like” and “Ky” in the Main Monuments of the Old Bulgarian Language]. *Slavistichen sbornik. Po sluchay IV mezhdunaroden kongres na slavistite v Moskva. T. 1. Ezikoznanie* [On the Occasion of the 4th International Congress of Slavists in Moscow. Vol. 1. Linguistics]. Sofiya, Izdanie na Bălgarskata Akademiya na naukita, pp. 146-163.
- Alimpieva R.V., Vulina S.S., 1980. K voprosu o funktsionirovanii otnositelnykh konstruksiy v drevnikh slavyanskikh yazykakh [On the Question of the Functioning of Relative Constructions in the Ancient Slavic Languages]. *Sravnitelno-istoricheskie issledovaniya russkogo yazyka* [Comparative and Historical Studies of the Russian Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, pp. 53-58.

- Mansikka V., 1912. Govor Gryazovetskogo uezda Vologodskoy gubernii [Dialect of the Gryazovetsky District of the Vologda Province]. *Russkiy filologicheskiy vestnik* [Russian Philological Bulletin], no. 4, pp. 271-279.
- Pigin M.I., 1955. Prichastnoe skazuemoe v drevnerusskom yazyke, vyrazhennoe nechlennym deystvitelnym prichastiem [Participle Predicate in the Old Russian Language, Expressed by a Non-Membered Real Participle]. *Uchenye zapiski Karelo-Finskogo universiteta* [Scientific Notes of the Karelo-Finnish University], vol. 5, iss. 1, pp. 175-201.
- Potebnaya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1–2* [From Notes on Russian Grammar. Vols. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz. 536 p.
- Sakharova A.V., 2007. *Sintaksis i pragmatika prichastnogo oborota v drevnerusskoy letopisi: Kriterii raspredeleniya predikatsiy na prichastnye i finitnye v Komissionnom spiske Novgorodskoy pervoy letopisi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syntax and Pragmatics of the Participial Turnover in the Old Russian Chronicle: Criteria for the Distribution of Predications into Participial and Finite in the Commission List of the Novgorod First Chronicle. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 20 p.
- Sreznevskiy I.I., 1959. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz. 135 p.
- Stecenko A.N., 1978. Istoriya imennykh deystvitelnykh prichastiy i obrazovanie deeprichastiy v russkom yazyke [History of Nominal Real Participles and the Formation of Gerunds in Russian]. *Problemy stilistiki i leksiki russkogo yazyka* [Problems of Stylistics and Vocabulary of the Russian Language]. Moscow, s.n., pp. 3-11.
- Sumkina A.I., 1954. K istorii otnositelnogo podchineniya v russkom yazyke XIII–XVII vv. [On the History of Relative Subordination in the Russian Language of the 13th – 17th Centuries]. *Trudy instituta yazykoznanija AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. 5, pp. 139-202.
- Egipti I.A., 2002. *Svobodnye i nesvobodnye prichastnye i deeprichastnye konstrukcii v russkom literaturnom yazyke vtoroj poloviny XVIII v.: dis. ... kand. filol. nauk* [Free and Non-Free Participial and Participle Constructions in the Russian Literary Language of the Second Half of the 18th Century. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 192 p.
- Barnet V., 1965. *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha, Univerzita Karlova. 191 s.
- Budich W., 1969. *Aspekt und verbale Zeitlichkeit in der 1. Novgoroden Chronic*. Graz, s.n. 288 S.
- Gebauer I., 1929. *Historická mluvnické jazyka češského. Díl. 4*. Praha, s.n. 763 s.
- Jagič V., 1899. *Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46*. Wien. 88 S.
- Miklošich F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošich. Band 4. Syntax*. Wien, s.n. 895 S.
- Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen*. Berlin, Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanských konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1. *Sborník prací filosof. fak. Brněnské university. Ročník 8. Rady jazykovedne, A. 7*, pp. 37-49.

SOURCE

- Dmitriev L.A., Likhachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: v 12 vyp.* [Written Records of Ancient Russia. In 12 Iss.]. Moscow, Hud. lit., iss. 1, 1978. 463 p.; iss. 2, 1980. 704 p.; iss. 3, 1981. 616 p.; iss. 4, 1981. 606 p.; iss. 5, 1982. 688 p.; iss. 7, 1985. 624 p.; iss. 8, 1986. 640 p.; iss. 10, 1988. 704 p.; iss. 11, 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, North Ossetian State University, Vatutina St, 46, 362025 Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, ул. Ватутина, 46, 362025 г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>